

Известия. - 2000. - 19 окт. - с. 10.

Звенящая дуга

Эхо Венского музыкального фестиваля

Фестиваль «Klangbogen» — новичок. Пробный шар прошлого года имел успех, и сегодня «Klangbogen» (в переводе — «звенящая дуга») идет почти два месяца и символизирует мост между сезонами. Теперь у Зальцбурга и Брегенца, где проходят главные фестивали Австрии, есть серьезный конкурент.

Марина БОРИСОВА

Лицом к автору и публике

Мощная программа объединяет всех меломанов. «Шуберт и Брамс» — серия камерных концертов в доме, где родился Шуберт. Клавирные сонаты Бетховена во дворце Пальфи играют молодые музыканты, в том числе и отпрыски известнейших пианистических фамилий Европы — Гулды и Бадурна—Шкоды. Во дворце Лобковиц — баховский цикл.

Главная приманка — четыре новых спектакля, объединенные девизом «Сила любви безгранична». «Якоб Ленц» — камерная опера современного немецкого композитора Вольфганга Рима по пьесе Бюхнера, романтический «Вертер» француза Жюль Массне по Гете, последняя оперетта легендарного «короля вальсов» Иоганна Штрауса «Венская кровь» и танго-орегиа модного аргентинца Астора Пьяццоллы «Мария де Буэнос-Айрес».

Вертер и бабочки

Режиссер Пиу Йостен и сценограф Йоханнес Лейакер не актуализируют лирическую драму Массне. Перед вами «Вертер» как он есть и ничего кроме «Вертера». Это не означает, что сцена — из XIX века. При некоторых реалистических деталях (от стола до натуральной рождественской елки) и отвечающих эпохе костюмах она запоминается современными ракурсами и лаконизмом. Камерная драма играется с полным погружением в эстетику оригинала: тихо, внятно, интимно. Крупным планом — мучительная любовь Вертера к Шарлотте. Вокруг — немецкий провинциальный быт с его автоматическим идиотизмом (отец Шарлотты и его дети), от которого по коже бегут мурашки в сторону «Воцшека» Берга. Но ни одна современная деталь (даже иррациональная линия из бабочек через всю сцену) не дает перешагнуть грань между нашим временем и героями Массне.

Старая Вена в «Ронахере»

Штраус в театре «Ронахер» — дерзкий и удачный разворот к канувшим в вечность демократичным развлечениям рубежа XIX—XX веков. Оперетта «Венская кровь» сама напрашивается к такому ходу. Штраус и его знаменитые либреттисты Виктор Леон и Лео Штайн поймали здесь то, что словами не выразишь, — венский стиль. Жизнь, подобную карусели. Ее головокружительное движение ощущаешь, едва входяшь в театр, где публику встречают акробаты, силачи, жонглеры, гимнасты на ходулях, наконец, элегантный Антон Ронахер, первый директор театра (Лоте Ледль), и колоритная Милли, легендарная женщина-фиакер начала века (Михаэла Мок). Йозеф Э. Кепплингер устроил варьете: публика — в партере за столиками, оркестр — на сцене с тонким музыкантом Михаэлем Хофштеттером, а перед ним — знаменитая карусель из Пратера, где изящно пикируются типичные венцы: очаровательная графиня (Эдит Лиенбахер — звезда жанра), ее неверный муж (Карло Хартман), соблазнительная Probiertamsel Пепи (Габриэла Бонне). Каждая роль — выстрел в десятку, все в целом — подлинный образец жанра, сводящий с ума ароматами старой доброй Вены.

Пьяццолла — большая аргентинская мама

Зато Пьяццолла смеет знойным дыханием латиноамериканского мегаполиса. Через его танго Европа открывает историю блудной дочери Буэнос-Айреса, родившейся на асфальте, прошедшей путь от фабричной работницы до проститутки, умершей и возрожденной под новым именем. Мария — не обычная женщина, а символ и дух города. Танго-орегиа Астора Пьяццоллы «Мария де Буэнос-Айрес» ошеломляет народностью, первозданной человечностью и горячим дыханием искусства, благодаря которому полтора часа проле-

ВИКТОР АХЛЮМОВ

Гидон Кремер

тают как один миг. Сцена воздействует магически, не вызывая при этом желания анализировать причины. С неохотой отмечаешь, что здесь великолепная, новаторская сценография, где есть только чистый подиум, стулья и красивый металлический каркас, на котором укреплено множество подвесных ламп. Что несмотря на отсутствие сюжета, драматургии и героев в привычном смысле, здесь удивительно живое действие, где группы разнообразного аргентинского народа (миманс) перемежаются семеркой элегантных девушек в мужских костюмах (танец), двойниками Марии (куклы) и тройкой натуральных, достойных пера Маркеса латиноамериканских мачос, рассказывающих движением, словом и пением, о чем плачет танго.

Его символ — бандонеон, единственный инструмент на сцене (Пер Арне Глорвиген). Выжимая из сердца своими ритмами смесь тоски и любви, бандонеон (на нем когда-то играл сам автор) — как рассказчик в Пассионах Баха — повествует о страстях Марии — то девочки, то дьявола, то всеобщей матери аргентинской. У ног бандонеона под сценой — семеро музыкантов ансамбля «Кремерата музыка», в чей фантастически рафинированной, стильной игре (Гидон Кремер — скрипка, Вадим Сахаров — рояль) и рождался гипноз спектакля. Растроганная публика ответила невиданно искренним и горячим приемом. А критик, не помня себя от внезапно нахлынувшего счастья

при встрече с новым театром, помчался за кулисы. К сожалению, музыканты уже уезжали из Вены, но все же композитор Леонид ДЕСЯТНИКОВ успел ответить на несколько вопросов.

— Ваше имя в буклете стоит рядом с именем Пьяццоллы как автор аранжировки. В чем состояла ваша работа?

— Я попытался расчистить музыку от различных наслоений, свести авторский оркестр к камерному составу инструменталистов. Их восемь, включая бандонеон. Я стремился к камерному, рафинированному звучанию, когда каждый инструмент является солистом. Обработка не коснулась мелодии и гармонии. Я не имел права вторгаться в авторский текст и оставил все как есть. Ну, может, выкинул один аккорд.

— Речь идет о специфически аргентинских инструментальных наслоениях?

— Скорее всего о неких интернациональных шаблонах, связанных с исполнением эстрадной музыки, которые учитывал Пьяццолла. Я сравнивал авторский текст и запись, они отличаются. В своей работе я больше ориентировался на запись.

— Пьяццолла — модный автор, у всех на слуху. Теперь вдруг выяснилось, что его танго надо ставить, — это уже готовый театр и хороший толчок для развития сцены. Кто здесь автор проекта?

— Поставить «Марию» предложил Филипп Арло. Он же — режиссер, сценограф, художник по костюмам и свету. Словом, тотальный автор спектакля. Так возникла связь: Арло — Кремер, который постоянно играет Пьяццоллу, — Десятников, связанный с Кремером годами дружбы и творчества. «Мария» оказалась вершиной моей совместной работы с Кремером. В 1998-м Арло ставил в Брегенце камерную оперу «Ночь» Хааса. Поэтому Брегенцкий фестиваль первым увидел нашу «Марию»: мы трижды показали там этот проект на новой (третьей по счету) сцене-мастерской, где идут оперы в разделе «эксперимент». Потом — трижды на фестивале в Вене. Везде с огромным успехом. Сейчас мы едем во Францию в курортный город Ментону.